

A movie poster featuring a young man and a young woman lying on a dark, textured rug. The man, on the left, is wearing a denim shirt and holding a brown leather book. The woman, on the right, is wearing a white bikini top and has her head resting on the man's chest. A guitar is visible in the background. The text is overlaid on the image.

ДЖЕРЕМИ КЭМП

Верно
В ЛЮБОВЬ

Читайте книгу — смотрите фильм!

Дэвид Томас
Верю в любовь

«Издательство АСТ»

2013, 2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Томас Д.

Верю в любовь / Д. Томас — «Издательство АСТ», 2013, 2020

ISBN 978-5-17-122728-9

Когда он встретил Мелиссу, между ними тут же вспыхнуло чувство – чистое, яркое, вселяющее надежду в светлое будущее. «Верю в любовь» – воспоминания о днях, проведенных вместе. Переплетение нот и слов, так и не сказанных той, кого он любил больше жизни. Это история о силе неумирающей любви и вере, которую ничто не способно разрушить.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-122728-9

© Томас Д., 2013, 2020

© Издательство АСТ, 2013, 2020

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1	9
Перемены к лучшему	12
Домашнее обучение	14
Глава 2	16
Дари и принимай	18
Внутренняя битва	21
Глава 3	23
Нажимая кнопку перезагрузки	25
Глава 4	27
Попрощайся с футболом	29
Увидев свет	31
Время рвать узы	33
Глава 5	34
Углубляя изучение	36
Учиться вести	38
Глава 6	40
Воспоминания о Рождестве	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джереми Кэмп, Дэвид Томас

Верю в любовь

Copyright © 2013 by Jeremy Camp, 2020 Jeremy Camp, LLC

© Д. Шляпин, перевод на русский язык

© А. Ляхова, перевод на русский язык

© А. Костянова, перевод на русский язык

© В. Коваленко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Когда я услышал, что книгу Джереми «*Я верю в любовь*» собираются экранизировать, меня это очень взволновало. Джереми я знаю с 2002 года, когда мы впервые выступали вместе на фестивале *Con Dios*. Я очень переживал, зная, насколько сильным может стать этот фильм, рассказывая новой аудитории историю проявления благодати Господа.

Но если быть до конца откровенным, я слегка тревожился за него. Когда в 2017 году вышел фильм *I Can Only Imagine*¹, повествующий о моей жизни и обо всех непростых вещах, результатом которых стала эта песня, я не представлял, насколько тяжелым опытом это станет для меня и моей семьи. Немного пугающе и в чем-то даже унижительно видеть свою жизнь на большом экране. Актеры играют тебя, твою семью и твоих друзей. Они произносят ваши слова и совершают поступки, которые совершали вы – и хорошие и дурные. У вас есть возможность вновь пережить самые удивительные моменты своей жизни, но также вы видите ее худшие моменты, выставленные на всеобщее обозрение. Позволить создателям снять защитные слои и показать всю историю, стоящую за этой песней и группой *MercuryMe*, стало одним из моих самых смелых поступков, которые я когда-либо совершал.

Я знаю, Джереми разделяет эти опасения и тревоги, касающиеся зрелища своей жизни на большом экране. Я знаю, как он боялся и волновался. И я буду молиться о том, чтобы Бог воспользовался его потрясающей историей, расширяя свое Царствие в душах людей.

Невозможно поверить, что целую жизнь можно уложить в два часа. Часы и часы пленки (как и моментов жизни) остаются на полу монтажной. Я взволнован мыслью, что на страницах этой книги вы познакомитесь с деталями жизни Джереми, которые по тем или иным причинам в фильм не вошли.

История того, как Джереми любил и потерял свою жену Мелиссу – а также радости и благословения, которым после этого наполнила его жизнь Эдриен, – самое яркое свидетельство благодати Господа. Последним желанием Мелиссы было, чтобы ее уход привел к Богу хотя бы одного человека. Музыка Джереми и то, каким прекрасным способом он рассказал ее историю, привели к вере на самом деле гораздо больше людей. И сейчас, когда фильм вот-вот появится на экранах кинотеатров по всему миру, я не могу дождаться и увидеть, как Господь распорядится им.

Барт Миллард, 2019

¹ В России фильм вышел под названием «Можно только представить» (прим. переводчика).

Пролог

Возьми свою гитару.

Я не хотел. Я не хотел иметь с музыкой ничего общего. Прошло две недели с того момента, когда Мелиссы не стало. Ей было всего двадцать один, мы были женаты лишь три с половиной месяца, когда рак яичников забрал ее у меня.

Я сидел на диване в гостиной моих родителей, один – один, как ни посмотри.

Две недели мою жизнь окутывал туман, который не желал уходить. После того, как все казалось таким ярким, наполненным смыслом, оно вдруг лишилось этого смысла. Врачи говорили, что справились с раком. Мы поженились, лелея мечту о детях, о том, чтобы трудиться вместе на благо Господа – я через свою музыку, она через женское священство и изучение Библии. Но потом возможность воплотить эту мечту начала таять у нас на глазах.

Моей Мелиссы не стало, и я спрашивал себя, где же был Бог. Я хотел молиться, но в отчаянии мои мысли были слишком далеко. Я пытался молиться, но не знал, с чего начать. Какие бы слабые, неуверенные слова я ни направлял к Богу, они словно растворялись в окружающем меня мраке.

Действительно ли Ты слышишь меня, Боже?

Есть ли Тебе дело до наших несчастий?

Господи? Рядом ли Ты?

Возьми свою гитару: впервые с момента смерти Мелиссы я почувствовал, что Он отвечает мне. Его слова с кристальной ясностью прозвучали в моем сердце.

Но я не хотел вновь брать в руки гитару. Я не хотел возвращаться к музыке или вообще к чему-то, что делал раньше. Когда я буду писать песни, они будут о том, что чувствует мое сердце. А сейчас оно не чувствовало ничего. Я был словно в оцепенении. Физически и эмоционально истощен. Мне нечего было сказать людям.

Нет, Господи, нет – последнее, что я хочу сейчас, это играть.

Возьми свою гитару. Я скажу тебе, что написать.

Я сдался и начал нехотя перебирать струны. Я не понимал, почему я играю, но продолжал это делать. И вдруг эмоции начали наполнять меня. Я почувствовал, как в глазах вскипают слезы. Слова – мои настоящие, подлинные мысли – пришли ко мне, и я начал произносить их вслух:

Слова рассеянные и мысли пустые
Льются из моего сердца.

Впервые за эти две недели я смог выразить то, что ощущаю:

Я никогда не чувствовал себя в таком смятении.
Я даже не знаю, с чего начать вновь.

Я быстро отыскал ручку и блокнот и вернулся на диван:

Но сейчас я чувствую, как Твоя благодать
изливается на меня, словно дождь,
С кончика каждого пальца, смывая мою боль.

Я продолжал быстро записывать слова, пока они приходили ко мне:

Я все еще верю в то, что Ты рядом,
Я все еще верю в истину Твою,
Я все еще верю в Слово Твое святое.

Слова лились потоком, не из головы, но из самых глубин моей души:

Даже когда я не вижу, я все еще верю.

Я подбирал мелодию и записывал слова, пока негромко не пропел и не записал последние строчки:

Сокрушенный, я вижу, что на то
была воля Твоя.
Помоги мне узнать, что Ты рядом².

Я откинулся на спинку дивана, пораженный этими словами, тогда еще не зная, как Господь воспользуется ими, чтобы через меня говорить с теми, кто, как и я, оказался покинут в тяжелый период жизни. Теми, кто нуждался в надежде. Теми, кого нужно было поощрить, позволив Богу проникнуть в самые сокровенные глубины души, к основанию самой веры, чтобы после серьезных испытаний они нашли в себе силы провозгласить: «Я все еще верю!»

Я написал «Я все еще верю» всего за десять минут.

Но на самом деле я писал эту песню всю свою жизнь.

² «I Still Believe», слова Джереми Кэмп, © 2002 Stolen Pride Music (ASCAP) Thirsty Moon River Publ. Inc. (ASCAP) (контакты на сайте CapitolCMGPublishing.com). Все права защищены. Используется с согласия правообладателя.

Глава 1

Все начинается с дома

Вера и семья.

Оглядываясь назад, я понимаю, что нельзя было найти более подходящего места для моего исцеления после ухода Мелиссы, чем родительский дом в Лафайетт, Индиана.

Я покинул дом и уехал в Калифорнию, чтобы посещать библейский колледж. Именно в Калифорнии я нашел свой путь в служении. Именно здесь начала развиваться моя музыкальная карьера. Именно здесь я встретил своего спутника в служении Богу и людям. Но после поминальной службы Мелиссы, когда путь, который, как мне казалось, уходил вдаль широкой и прямой дорогой, вдруг испарился, когда моя вера оказалась поколеблена так, как я и представить не мог, я знал только, что мне нужно вернуться домой.

В истории моей жизни семья и вера связаны неразрывными узами.

Мои родители дали мне то, чего сами были лишены, – христианскую семью. Уже одно это было чудом.

Представьте себе пьяного мужчину вместе с таким же нетрезвым другом, который, шатаясь, воскресным вечером приходит в церковь и отвечает на призыв к алтарю принять Христа как своего Спасителя – такова удивительная история обращения к вере моего отца.

Мой отец Том – или «Медведь», как звали его друзья – бросил школу в шестнадцать, пристрастившись к алкоголю и наркотикам (позже он сдал экзамены, чтобы получить среднее образование, и закончил колледж). Он был из тех, кого принято называть «душой компании», человеком, обожавшим веселые вечеринки, и раньше он без труда вливался в них или убеждал других присоединиться.

Моя мать Тери была классической отличницей и хорошей девочкой в школе. Росла она в дружной и крепкой семье. Как у всякой хорошей студентки, у нее были свои планы и цели. Когда они только познакомились, ее уже приняли в университет Пёрдью, а встречаться с моим отцом она начала в выпускной год школы.

Их связь была из тех, о каких тайком шепчутся в коридорах – но не из разряда «лидер команды болельщиц встречается с полузащитником», а скорее «что *такая* девушка делает рядом с *этим* парнем?»

Отец тогда был по-своему обаятелен, и ей сразу понравилась та легкость, с какой они нашли общий язык. Но из-за проблем с выпивкой и марихуаной отцу не удавалось найти постоянную работу. Поэтому матери пришлось забыть о своих планах изучения дизайна интерьера в колледже и пойти работать. Вечеринки у моих родителей стали обычным делом. К тому моменту отец начал продавать «траву», поэтому можете представить себе эти вечеринки и тех, кто их посещал.

Узнав, что моя мать беременна, они переехали, и в 1975 году, вне брака, родилась моя сестра Эйприл. Появление в доме новорожденной положило конец вечеринкам, но образ жизни отца остался прежним, он все дальше скатывался по наклонной. Запил он еще сильнее, и кроме этого, стал употреблять и продавать кокаин. И чем больше он пил, тем опаснее становился.

Спустя полтора года после рождения Эйприл у отца наступила тяжелая депрессия, он понимал, что жизнь постепенно выходит у него из-под контроля.

– Я не знаю, что со мной не так, – говорил он моей матери. – Я чувствую такую пустоту внутри. Дело не в тебе и не в Эйприл. Наркотики тоже не делают меня счастливым. Я не знаю, в чем дело.

– Может быть, стоит показаться психиатру? – спросила тогда его моя мама.

– Нет, – ответил отец. – Мне нужно поговорить со священником.

На Рождество 1976 года отец выглядел особенно подавленным. Мать даже испугалась, что он может навредить себе, но когда она попыталась утешить его, он решительно сказал: «Мне нужно пойти в церковь, прямо сейчас».

Тем вечером они ездили от церкви к церкви в поисках хотя бы одной открытой. Наконец они нашли одну, где внутри двое людей занимались музыкой. Родители зашли и тихо присели на скамью, музыканты даже не заговорили с ними, они выглядели скорее как хиппи, а не как постоянные прихожане. Какое-то время родители сидели там, пока мать не спросила отца, полегчало ли ему.

– Да, – ответил он, и они ушли.

Четыре дня спустя, в среду вечером, родители снова решили сходить в церковь.

В детстве отца время от времени брала вместе с собой в церковь наша очаровательная соседка по имени Мэб, и когда ему было одиннадцать лет, он уже почти готов был принять Христа. Но без семьи, поощрявшей и поддерживавшей эту духовную связь, он в конце концов отдалился от церкви. Когда они с матерью только начинали общаться, их разговоры касались и духовных тем в том числе, но христианство оставалось для него чем-то, о чем он думал и что в глубине души даже принимал, но не более того. Но церковное прошлое, которым он был обязан Мэб, у него по крайней мере было, и оно сыграло свою роль в том, что анализируя все происходящее, он принял решение серьезно изменить свою жизнь. Он рассматривал и другие пути, но в глубине души знал, в чем истина для него и что Святой Дух зовет его за собой и совершает внутри него незримую, но важную работу.

Что касается матери, то церковь в детстве она посещала урывками с матерью, в то время как отец оставался дома, не считая Пасхи и нескольких других особых случаев. Ее мать, моя бабушка, подарила ей книгу библейских историй, и ребенком моей матери нравилось ее читать. Но несмотря на то, что мать знала об Иисусе, тогда она не испытывала связи с Ним. В то время, как мой отец стал жертвой моды на опасный образ жизни, она все-таки была открыта к церкви, которая станет источником таких необходимых ему перемен.

Через несколько дней после Рождества отец снова сказал: «Мне нужно поговорить со священником. И я знаю, куда мы пойдём – Мэб будет там».

Отец знал, где его бывшая соседка Мэб будет в среду вечером. Когда они приехали в церковь, служба только что закончилась и народ выходил на улицу. Как и ожидалось, Мэб была здесь. Когда она увидела отца, на ее лице появилась широкая улыбка. Когда отец сказал, что ему нужно поговорить со священником, она представила родителей пастору. Вчетвером они сели, отец рассказал о своих проблемах и описал пустоту, которую сейчас чувствует в жизни. Пастор назвал это грехом, за который отец не раскаялся, и объяснил, что эту пустоту может заполнить лишь Христос. Отец согласился. Затем пастор заставил прочесть их обоим молитву о прощении, при этом мать молилась больше из смущения и неловкости, которую ощущала в такой маленькой группе.

После молитвы пастор выдал родителям краткий список того, что они должны сделать: официально оформить свой брак, сменить стиль одежды, подстричься и сменить круг общения.

Если необходимость завязать с наркотиками и алкоголем была очевидна, то как можно за одну ночь обрести новых знакомых, им было непонятно. Что касается одежды, то они едва могли позволить себе эту. Откуда же у них возьмется полностью новый гардероб?

Проблемы с заключением брака у отца были давно. Впервые они с его девушкой поженились, когда ему было шестнадцать, после того, как она забеременела. Но случился выкидыш; они решили, что не хотят оставаться вместе и развелись через полгода после знакомства. Несколько раз отец спрашивал мою мать, согласится ли она выйти за него, если он попросит. Она всегда говорила, что да, но он никогда не просил ее руки. Он говорил ей, что не видит в

браке смысла (у него перед глазами не было достойного примера – ни в его семье, ни когда он сам слишком рано женился). Но сейчас, подумав над словами пастора о браке, он согласился.

Кроме указаний, пастор еще дал родителям Библию, и больше практической помощи, касающейся того, как же именно им изменить свою жизнь, от него они не получили.

В результате они вышли из церкви, спрашивая себя: «*Как же нам все это сделать?*»

Перемены к лучшему

Библия, которую дал родителям пастор, была версией Короля Якова. Чтение вообще давалось отцу с трудом, а этот текст был такой сложный, что матери приходилось читать ему вслух. Они продолжали беседовать о церкви, и как-то мать упомянула, что ее сотрудники на работе будут рады видеть их в своем приходе, не обращая внимания на то, как они выглядят. Отец согласился попробовать.

Они планировали посетить церковь Ассамблеи Бога первым воскресным вечером нового года – 2 января 1977 года. В тот день отец с утра помогал другу с переездом, и днем они куда-то отлучились.

Когда мать была готова идти, она позвонила отцу.

– Ты где? – спросила она его.

– Я в мексиканском ресторане.

Она знала, что он был в единственном заведении в округе, где продавали пиво по воскресеньям.

– Вы что, пили?

– О, совсем немного.

Когда отец пришел забрать ее в церковь, они с другом были уже навеселе, смеялись и рассказывали, как славно посидели. И выпили они, конечно, больше, чем «совсем немного». Мать начала плакать. С той ночи, когда она и отец вдвоем молились в церкви, куда ходила Мэб, отец с другом не притронулись ни к наркотикам, ни к выпивке – даже в канун Нового года.

– В таком виде я с вами никуда не пойду, – сказала она ему.

Тем вечером с Эйприл сидела бабка, поэтому, когда моя мать увидела, насколько пьяны отец с другом, она ушла в церковь одна.

Поскольку это был вечер, толпа в триста человек была не такой большой по сравнению с той, какая собиралась здесь утром в воскресенье. Восемь рядов складных стульев позади алтаря были убраны, чтобы люди могли сидеть ближе к передней части церкви. Моя мать нашла себе местечко в середине последнего ряда. Вскоре после начала службы она вдруг услышала позади какое-то движение. Оглянувшись через плечо, она увидела, как отец с другом, спотыкаясь, входят в церковь через заднюю дверь.

Первой реакцией мамы было попробовать спрятаться. Она отвернулась, сжалась на сиденье и постаралась быть как можно более незаметной. Это не помогло. Отец с другом заметили маму и начали пробираться к ней. Но нет, не тихонько миновав проход и проскользнув к ней вдоль ряда. Отец начал с самого прямого пути из точки А в точку Б – перешагивая через сваленные ряды стульев!

Мама продолжала смотреть вперед, хотя остальные уже недовольно обратили внимание на двух пьяных прыгунов через стулья. Наконец отец с другом тяжело плюхнулись рядом с мамой, и друг начал без умолку болтать что-то невнятное.

Служитель, искавший, в чем причина шума, подошел к ним и спросил друга отца, не хочет ли он сесть рядом с ним, и тот был вынужден подчиниться.

Тем временем пастор начал беседу об избавлении от уз алкоголя и наркотиков. Пару раз во время послания друг отца вскакивал с места, подбегал к отцу и горячо шептал ему: «Мужик, этот парень знает, о чем говорит!» и снова убегал на свое место рядом со служителем.

Моя мать заметила, что во время проповеди у отца из глаз катились слезы. Слова пастора действительно дошли до него, и он плакал в течение всего послания.

Когда пастор завершил проповедь и спросил, не хочет ли кто-то выйти к алтарю и попросить Христа принять его, друг отца тут же выбежал вперед, но родители медлили, раздумывая. *Разве мы не сделали этого раньше?* Когда подошел пастор и предложил отвести их к алтарю,

если они желают ответить на призыв, они встали и тоже прошли через проход. Прихожане собрались вокруг всех троих у алтаря и молились за них. Все плакали, и мать вдруг с облегчением поняла, что они действительно хотят измениться. Отец сразу же пришел в себя и в тот вечер вышел из церкви уже трезвым.

Позже родители узнали, что хиппи и алкоголиков пастор любит меньше всего, но он все равно приветствовал моего отца и его друга в церкви в тот вечер. Незадолго до этого паства молилась о том, чтобы в их церкви кто-то пришел к возрождению, и оно случилось той ночью, когда из всех собравшихся лишь двое пьяных хиппи ответили на призыв к алтарю. Поистине, пути Господни неисповедимы!

У пастора было много возможностей разделить то, что он назовет «случайным служением», преломляя Тело Христово с любым человеком, кого бы Господь ни привел к нему.

Вместо того, чтобы фокусироваться на вещах внешних, члены этой церкви вдохновили моих родителей войти в Слово и в семью прихожан. Они дали моим родителям копию Живой Библии, которую можно было забрать домой, и предложили прежде всего прочесть Евангелие от Иоанна. Манера, в которой Иоанн выражает ту любовь, которую Господь продемонстрировал всему человечеству через Свою смерть и возрождение, глубоко тронула сердце моей матери. У нее, как и у моего отца, тоже случилось откровение, ведь и она была нуждавшимся в спасении грешником. Однажды ночью, сидя в любимом кресле в гостиной, она прошептала: «Прости меня, Господи». Это был ее переломный момент. Она просила Иисуса войти в ее сердце и молилась: «Я пойду куда угодно и сделаю что угодно. Все, что ни попросишь. Отныне я Твоя».

К вере они пришли каждый по-своему, учитывая их такие разные характеры. Отец сделал это публично и очень эмоционально. Мать же в тишине и наедине с собой. Хотя немедленный эффект от их решений был одним и тем же: жизнь их полностью изменилась. 22 января 1977 года, в той же самой церкви Ассамблеи Бога, они поженились. С того дня они воплотили собой тип отношений, описанный в Писании, и заложили основания веры, на которой впоследствии вырос я.

Я появился на свет почти год спустя, 12 января 1978 года. Через восемь лет к нам с Эйприл присоединился наш брат Джаред. Через два года после этого родился Джошуа. У него был синдром Дауна, и он стал благословением, дополнившим нашу семью.

Решение родителей стать христианами несколько не облегчило жизнь ни им, ни их семьям. Напротив, на их долю выпало немало трудностей и проблем. И не все из нас, детей, всегда следовали тому пути, что желали для нас родители.

Но на протяжении всего этого пути мы всегда знали, куда обратиться за советом – к Слову Господа и друг к другу. Мы поступали так в детстве и когда выросли и у нас появились свои собственные семьи. У нашей семьи немало невероятных историй любящего милосердия Божьего.

Домашнее обучение

Еще до того, как отец бросил университет, ему было трудно сосредоточиться на чтении – скорее всего, из-за зависимости. Однако ребенком я часто помню отца сидящим над Библией. Он говорил, что из-за проблем в школе он ненавидел читать, пока не стал христианином. Ему нравилось проводить долгие часы, изучая Слово Божье. Пока мы недолго жили в Спрингфилде, Миссури, отец посещал Центральный библейский колледж и готовился стать полноценным священником.

Сколько себя помню, наша семья всегда была тесно связана с церковью. Мы были одними из тех прихожан, которых можно встретить в церкви всякий раз, когда двери ее не заперты. Родители посещали и сами вели библейские курсы. Друзья приходили в наш дом, отец играл на гитаре и вел службу прямо в гостиной. Родители делились своей верой со всеми, кого встречали, рассказывая им о том чудесном превращении, что Господь сотворил с ними.

Главным моим впечатлением от родителей стало то, насколько же они были искренни в том, что делали. И в церкви, и дома они вели себя одинаково. Ведь как бывает: люди приходят в церковь, торжественно молятся там с воздетыми руками, ведут себя как положено христианам, но придя домой, поступают совсем иначе. Но мои родители не разделяли для себя дом и церковь. Они были теми, кем они были, потому что не могли быть никем другим; перемены, произошедшие в их жизни, стали абсолютными и отразились на всем. Я доверял последовательности моих родителей в их христианском образе жизни, потому что именно по этой причине они никогда не принуждали меня следовать за ними, даже когда я сворачивал с прямого и узкого пути.

Моего отца прекрасно описывает выражение «у него было сердце пастыря». Он был потрясающим слушателем, которому действительно было дело до трудностей ближнего своего. Помню, как часто люди сидели у нас в гостиной и раскрывали ему свои сердца, а он сидел рядом и слушал, но не просто слушал, а делая это чутко и сосредоточенно. Он жил для людей, а им, в свою очередь, нравилось находиться рядом с ним.

Еще он был очень веселым. Даже приняв веру, он остался душой компании – просто компании стали другими. Мы ездили в лагерь, и отец пел у костра забавные песни. Чтобы вовлечь всю семью, он заставлял нас эхом откликаться на смешные строчки, которые придумывал на ходу. Однажды мы поехали кататься на американских горках, и он надел шорты поверх комбинезона, только чтобы выглядеть нелепо и посмотреть, сможет ли смутить нас.

Мама была более строгой и правильной. Она не была слишком эмоциональной (кроме тех случаев, когда видела в действии Божий промысел), а еще очень дотошна во всем, что делала. Чтобы накраситься, ей, казалось, нужна была целая вечность. Писала она тоже медленно, зато почерк у нее оказывался безупречным.

В доме она всегда поддерживала чистоту и порядок, потому что, как и мой отец, она любила принимать друзей, изучать вместе Библию и совместно молиться. Молитва для матери была всем. Я помню, как часто, входя в комнату, видел ее расprostершейся на полу, молящейся или просящей о заступничестве за кого-то.

По натуре родители были противоположностями, но благодаря Христу их пути дополняли друг друга. Отец был человеком действия. Если он чувствовал, что Господь желает, чтобы он сделал что-нибудь, он был готов идти и делать это немедленно. Мать сказала бы: «Нам нужно быть уверенными до конца, давай помолимся еще немного». Мой характер ближе к отцовскому, но и от матери я усвоил важность дисциплины и устойчивости христианского образа жизни.

Когда у нас, детей, возникали проблемы, родители всегда поддерживали нас словами и мудростью Писания – и конечно, своими советами. Час молитвы в доме был самым важным,

ведь и сам дом прежде всего был домом молитвы. Мы часто молились всей семьей. Когда мы в чем-то нуждались, по отдельности или все вместе, мы молились об этом. А нуждались мы во многом.

Глава 2

Перетягивание каната

Наша семья была не просто бедной, беднее было просто некуда. До того, как стать христианином, отец из-за проблем с выпивкой и наркотиками никак не мог найти себе постоянную работу. После того, как родители приняли Христа в свое сердце, приоритетом для них стало служение и забота о нашей семье. Поскольку полноценного образования у отца не было, единственная сносная работа, которую он мог получить, оказалась на заводе, которая обычно занимала весь день, и ему часто требовалось работать по воскресеньям. Поэтому вместо нее он выбрал работу на стройке, что позволяло ему проводить больше времени с нами и другими прихожанами. Но здесь он часто сидел без дела, особенно зимой.

Не будет преувеличением сказать, что были дни, когда наши шкафы были пусты, и так продолжалось до очередной отцовской зарплаты. Мы все вместе молились о еде, и я помню, как наутро после этого мы находили на крыльце сумку с продуктами. Насколько я знаю, родители никому и никогда не жаловались, что мы голодаем. Но Господь знал об этом и помещал тревогу за нас в чье-то равнодушное сердце. Такое случалось не раз, и мы так и не узнали, кто приносил нам сумки с едой, но мы всегда знали, что это Господь не оставляет нас.

Несколько раз нам отключали воду и электричество, потому что нечем было платить по счетам. Когда не было света, мы пользовались свечками и масляной лампой, пока отец снова не получал деньги.

Дом, в котором мы тогда жили, отапливала стоящая в подвале старая дровяная печь. Я очень боялся спускаться в подвал – он напоминал мне зловещую пещеру, – и даже когда отец был на работе и я оставался за старшего, я все равно слишком боялся идти вниз, чтобы растопить печь. Моей матери тоже это не нравилось. Я предпочитал оставаться наверху и заниматься, завернувшись от холода в несколько одеял, только бы не ходить туда.

Однажды, когда мы сидели без электричества и туалет смыть было нечем, ведь помпа тоже не работала, нам пришлось ведрами набирать снег и заполнять им цистерну для смыва. Помню, как-то у нас кончилась туалетная бумага, и новую купить было не на что, потому что лишних денег на нее не было. Поэтому мы делали ее из газет, разорвав на листы помельче и хорошенько растерев, чтобы сделать помягче.

Иногда мы все вместе скидывались отцу на бензин, чтобы он мог доехать до работы. Эйприл и я собирали накопленную мелочь, считали, рассыпав ее на столе, и сообщали отцу: «Ага, тут три с половиной доллара».

Не скажу, что мы все время так жили, но происходило это достаточно часто, чтобы у меня сохранились ясные воспоминания о подобном опыте.

Носили мы обычно одежду из секонд-хенда, но родители делали все, что в их силах, чтобы мы ни в чем не нуждались. Если кому-то из нас нужны были джинсы или новая обувь, мы получали их. Время от времени нам даже хватало денег перекусить в местечке типа Wendy's, и такие перекусы вне дома – пусть даже это был фаст-фуд – были настоящим наслаждением.

От зарплаты до зарплаты родители жили лишь верой. Я наблюдал за ними, удивляясь тому, как их вера выдерживает все эти непростые обстоятельства. Я помню моменты, когда у нас не было ничего, и тогда отец брал гитару, и мы пели все вместе. Невзирая на трудности, он пел и играл с радостью в голосе. Для моих родителей Господь всегда был благ.

Я нуждался в родительском примере. Еще в начальной школе, начав работать, я постепенно стал понимать, как наше положение отличается от окружающих семей. И когда это понимание укрепилось, наша бедность стала меня смущать.

Наша школа участвовала в государственной программе бесплатных обедов для детей из малообеспеченных семей. Увидеть свое имя в списке таких детей стало особенно унижительно. Кажется, в седьмом классе я буду настолько стыдиться этого, что стану просить родителей давать мне хоть какие-то деньги, чтобы меня видели покупающим еду, а не ждущим подачек.

Как-то раз мне пришлось носить одну и ту же рубашку два раза на неделе, и когда какой-то парень заметил это, от стыда я готов был провалиться под землю. Но я никогда не жаловался на наше положение, хорошо зная, что родители много работают, чтобы дать нам все необходимое, и они не сомневались в том, что Господь воздает им по их вере. И когда Он удовлетворял наши нужды, что бы это ни значило, родители всегда давали нам понять, что все это дал нам Он.

Даже «Пинто».

Дари и принимай

Автомобили тоже были среди тех даров, которыми люди благословляли нас, и у нас было несколько забавных машин. Люди щедро предлагали нам свои старые машины, но редко случалось так, что мы подолгу ездили на одной и той же. Мы пользовались ей так долго, как позволяло состояние, потом Господь вкладывал в чье-то доброе сердце желание отдать нам следующую. Мы были благодарны за все. Одним из наших первых автомобилей стал побитый маленький оранжевый «Форд Пинто».

Мать как-то сидела за рулем такого, когда забирала Эйприл и пару ее подруг с собрания скаутов. Пока они ехали домой, мама видела в зеркале заднего вида, как округлились глаза одной из подруг Эйприл, когда она изучала любопытный интерьер машины.

– Хм, а где вы взяли эту машину? – наконец спросила она.

– Ой, один друг подарил, – ответила мама.

Девушка возобновила изучение, после чего сказала Эйприл достаточно громко, чтобы слышала мама:

– Друг, значит.

Мама улыбнулась и катила дальше в нашем бесплатном «Пинто».

Я помню другую машину – тоже оранжевый «Пинто», – на которой мать забирала меня из церкви. Я прыгнул внутрь и вдруг, посмотрев под ноги, увидел землю. Пол на пассажирской стороне настолько проржавел, что был весь в дырах.

Закрыв дверь, я заметил свисающий с нее ремень безопасности.

– А это что? – спросил я.

– Защелкни его и покрепче держись за ремень, – ответила мама – не будешь держаться, на повороте дверь распахнется.

В таких случаях я слушался мать беспрекословно. Всю дорогу я держал ремень, вцепившись в него обеими руками.

Когда я пошел в среднюю школу, то благодаря спорту стал очень популярен среди одноклассников. Я был даже слишком крут, и это однажды сработало мне на руку.

Как-то после школы я болтал с подружкой, ожидая, пока отец заберет меня. *Подружка*, наверное, слишком сильное слово для описания наших отношений. Мы «гуляли», если вы еще помните такое слово, хотя на самом деле мы, конечно, не гуляли нигде. Но в то время это выглядело как серьезные отношения. Кроме того, что она считалась моей девушкой, она была лидером команды болельщиц. И так я стою, популярный футболист, пытаюсь строить из себя крутого парня, болтая с моей подружкой-чирлидершей, и вдруг слышу, как на парковку с шумом что-то въезжает.

Я обернулся вместе со всеми и увидел отца, который паркуется на очередном потрепанном «Пинто» – на этот раз красном, – который нам кто-то подарил. Глушитель он давно потерял, поэтому незаметно подкатить к школе не получилось.

«Пинто» был ржавый, страшный, и я чувствовал, что на меня, пока я иду к нему, смотрит вся школа. Взявшись за ручку пассажирской двери, я потянул ее. Она не поддавалась. Я дернул ее еще раз, усиленно делая вид, что это был первый раз. По-прежнему ничего. Делать нечего, пришлось лезть в нее через окно, и поверьте, незаметно это проделать никак не получится. Мне было очень стыдно, особенно учитывая мою популярность в школе, но я никогда не жаловался на наше положение. Я бы хотел, чтобы машина у нас была получше и одевались мы не в магазинах подержанной одежды, но из-за мудрого отношения к этому моих родителей я ни о чем не жалел.

Все это время они упорно трудились, учили нас полагаться на Господа, верить, что Он удовлетворит наши нужды. И Он делал это бесчисленное множество раз.

Мы не могли позволить себе многие вещи, которые хотели, но это научило нас ценить моменты, когда мы получали желаемое.

К Рождеству в нашем доме всегда относились серьезно. В канун Рождества я всегда не мог заснуть, неизменно просыпаясь в три ночи и спрашивая у родителей: «Когда мы встаем? Когда мы встаем?» Они отправляли меня обратно в кровать, и я вынужден был дожидаться утра, чтобы наконец увидеть подарки.

Для родителей это тоже было особенное время, и они старались накопить побольше денег, чтобы всех порадовать.

Один подарок я помню особенно отчетливо, потому что он хорошо показывал, как мы научились ценить то, что наши сверстники посчитали бы мелочью. Я тогда серьезно увлекся спортом, и на очередное Рождество мне подарили большую спортивную сумку Nike для всяких спортивных принадлежностей. Я был безумно рад и таскал ее с собой повсюду, даже когда в этом не было необходимости.

Сумку было приятно получить в подарок, и то, что она была практичной, много значило для меня, но еще важнее было знать, что родители брали лишнюю работу и копили деньги, чтобы подарить мне то, на что я не рассчитывал.

Я надеюсь, что мои дети тоже ценят такие моменты, как и я, когда был ребенком. Даже несмотря на то, что я нахожусь в другой финансовой ситуации, чем мои родители, мы с женой хотели, чтобы наши дети всегда до конца осознавали, что подарки, которые они получают на Рождество, настоящее благословение Божье. Такой урок легче преподать, когда ваша семья действительно нуждается, как было с нами.

Хотя с материальными ресурсами у родителей было плохо, они отдавали людям то, что имели – время и внимание, – две вещи, о которых люди часто забывают.

Вдобавок к изучению Библии и участию в церковных группах родители помогали присматривать за трудными подростками.

Когда мне было шесть, они начали сотрудничать с приютом, чтобы дать временный дом подросткам, у которых были проблемы. В какие-то моменты вместе с нами оставалось целых восемь мальчиков одновременно, и у некоторых из них действительно было непростое прошлое.

Сначала родителям сказали, что не против, если те расскажут детям о Христе, но только если мальчики сами спросят о Нем. Однако когда родители познакомили с Евангелием тех детей, которые проявили к нему интерес, приют отнесся к этому отрицательно.

По этой причине почти год спустя мои родители вышли из программы. Отец устроился ухаживать на дому за детьми, поэтому у нас дома регулярно появлялись не только дети, но и взрослые, нуждавшиеся в помощи и поддержке. Помню пожилую женщину в коляске, которая жила у нас какое-то время. Помню инспектора по делам несовершеннолетних, который звонил родителям и просил взять еще одного мальчика. Пастор не раз просил их позаботиться о людях, которым некуда было пойти.

Пару раз я тоже приводил детей в программу. Они не были моими близкими друзьями, но я знал, что дома у них проблемы и спрашивал родителей, не могут ли они немного пожить с нами.

«Если ты не против разделить с ними комнату», – отвечали мне родители.

Я был не против, и когда их родители согласились на это, у меня появлялись новые соседи.

Мои родители всегда очень волновались о людях, попавших в тяжелую ситуацию – особенно детей и подростков, – и хотели дать им тот стабильный дом, которого большинство из них было лишено. Они делали это, несмотря на наши собственные финансовые проблемы.

Но Бог всегда знал о наших нуждах.

С нами как-то жил один парень, звали его Тодд. Тодд был большим и очень любил поесть. Однажды, открыв холодильник, он увидел, что полки почти пусты.

– Тери, – спросил он мою мать, – а что у нас на ужин?

– Об этом не беспокойся, – ответила она. – Тут есть еда, ты просто ее не видишь.

Тодд странно посмотрел на нее и закрыл холодильник.

Когда пришло время обеда, мама собрала все, что нашла в холодильнике и шкафах. Когда Тодд пришел к столу и увидел, что на нем так много всего, он сразу съел двойную порцию. Он съел все, что мог и вышел из-за стола, удивленный тем, что еды, которой, казалось, было так мало, на самом деле оказалось так много.

Неважно, насколько наша семья привыкла к тому, что Господь печется о нас, каждый случай поражал и радовал нас. Мы поняли, что Он всегда дает нам то, в чем мы по-настоящему нуждаемся.

Внутренняя битва

Моя мать любит рассказывать историю, как кто-то подарил нам полный морозильник печенки. Мы несколько дней питались только ей, и я помню, как мать молилась, прося: «Господи, не будешь ли ты так щедр послать нам в пищу что-нибудь другое?»

Вскоре после этого она прочла во Второзаконии то место, когда Израиллю напомнили о том, как Господь не оставил их в пустыне. Они ворчали и жаловались, что Господь вновь и вновь посылает им манну, от которой они устали.

Этим Господь хотел напомнить моей матери: *«Я даю вам все, в чем вы нуждаетесь. Я делаю это, чтобы испытать вас, увидеть, что в вашем сердце, чтобы научить вас смирению. И когда вы придете в землю обетованную, не забудьте обо Мне в сердце своем».*

Мать поняла, что Господь действительно удовлетворяет наши нужды и что эти нужды отличаются от потребностей среднего американца. Сама она выросла ни в чем не нуждаясь. Ее семья жила в изобилии. Они ездили отдыхать в красивые места и останавливались в хороших отелях. У нас в детстве не было ничего подобного.

Но почти с первого дня, когда моя мама приняла веру, она думала об этих моментах, когда у нас не было даже самого необходимого, задавая себе один и тот же вопрос: «Каково это, быть миссионером?» Она думала о миссионерах и о тех условиях, в которых они сами выбрали жить, чтобы нести Благою Весть тем, кто еще не спасен, и она привыкла смотреть на все окружающее этим взглядом миссионера. До сих пор, когда она слышит, как кто-то описывает суровые, по их мнению, обстоятельства, она будет показывать пальцами знак кавычек и говорить: «Думай об этом как миссионер».

Хотя наш дом был полон разных людей, родители всегда заботились о том, чтобы мы, как их дети, получали все необходимое внимание. Я не помню, чтобы даже задумывался о том, что дети, приходившие в наш дом, были лишены той заботы и внимания, которая была у нас. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что жизнь с детьми с разным опытом помогла мне понять, что, несмотря на то, что у нас не было материальных благ, мы обладали чем-то более важным – родительским вниманием и заботой.

Но несмотря на это, иногда я все-таки принимал неверные решения, реагируя на окружающие обстоятельства.

Когда мне было четыре или пять лет, я открыл Иисусу свое сердце и после рос настоящим церковным ребенком. Но ближе к средней школе и в старших классах я впервые начал сворачивать с этого пути.

Я делал большие успехи в спорте, много тренировался и был в хорошей форме. Когда я подросток достаточно, чтобы играть в групповые игры – в частности, в футбол, – мои спортивные способности помогли добиться в кампусе «крутого» статуса.

Я отправился своей дорогой, пытаюсь доказать, что могу делать все, что захочу. Честно, мне не кажется, что я тогда был в стадии бунта, потому что я даже не понимал, против чего протестовать. Я не был зол на родителей. Я не был зол на церковь. Даже при том, что мы были бедны, я не восставал против того, что кто-то назвал бы «системой». Но я думаю, что после того, как я рос в очень скромных условиях, то, что я стал популярным спортсменом в школе, заставило меня захотеть проверить границы возможностей. Дома, как мне казалось, я был лишен тех удовольствий, которым радовались мои друзья, и вот настала моя очередь «повеселиться». Во всяком случае, я не понимал, в какой опасности нахожусь, и хотел, чтобы меня приняли тусовщики.

Внутри меня началась невидимая битва. Я знал, что такое хорошо, и на меня положительно влияли дома и в церкви. Но с другой стороны, мое желание стать «своим» толкало меня в противоположную сторону.

Чтобы удовлетворить эту часть себя, я начал ходить на вечеринки и выпивать. Когда я напивался, то чувствовал себя более смелым и несколько раз едва не влезал в драки. Из-за того, что в классе я был самым сильным, желающих подраться обычно не находилось, поэтому я по умолчанию считался крутым парнем без необходимости это подтверждать. Хотя я и не возражал бы, если кто-то осмелился бросить мне вызов.

Я также пользовался своим статусом и силой, заступаясь за тех, кого травили в школе. Я не особо старался, чтобы меня приняли самые популярные – я не был среди них, и мне было все равно. Но «своим» я все-таки стал; правда, учитывая, что большую часть жизни до этого я был неудачником, я никогда не упускал возможность защитить бедных детей или тех, кого травили и над кем смеялись. Если я видел, как издевались над кем-то, я всегда подходил и велел хулигану остановиться, и обычно все сразу прекращалось, и мне не приходилось прибегать к силе. Хотя я не всегда поступал правильно, желание делать добро во мне не угасало.

Я не повернулся к Богу спиной. Я по-прежнему ходил в церковь и делал разные «церковные вещи». Ведь и в родителях меня восхищала эта черта: их стремление вести себя одинаково в церкви и вне ее стен.

Я по-прежнему понимал, что хорошо и что плохо. Я знал истину. Когда я шел на вечеринку, то специально выпивал немного перед этим, заглушая чувство вины.

В церкви я тоже чувствовал себя виноватым за те неверные решения, что принимаю. Я обещал Господу, что изменюсь, просил у него прощения. Но я шел в школу на следующее утро и делал то же самое, что и другие. Я хотел поступать правильно, но в то же время не мог сказать «нет» тому, что считал неправильным.

Именно о такой внутренней борьбе писал Павел в Послании Римлянам 7:21–25: «Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха».

Я понял, что в своем поиске удовольствий я находил их, но длились они всегда недолго. Они и не могли продолжаться дольше, потому что в глубине души я знал, что их источник вне воли Божьей. И мне еще предстоит узнать, что спокойствие, приходящее благодаря удовольствиям, отвечающим воле Божьей, гораздо приятнее.

Глава 3

Освобождение

У моего отца была гитара, на которой он периодически играл дома и часто даже вместе с ней вел службу в церкви. Хотя гитара всегда была на виду, мне никогда не было интересно попробовать поиграть на ней, потому что больше всего меня в то время занимал спорт – особенно футбол.

Как-то, когда мне было четырнадцать, я все же попросил отца показать, как сыграть пару аккордов. Когда он помог положить пальцы моей левой руки на нужные места на грифе и я ударил большим пальцем правой по струнам, звук этого аккорда прозвучал для меня как настоящий шедевр.

– Это потрясающе! – сказал я тогда отцу.

Не могу объяснить, но в касании инструмента было что-то естественное. С помощью отца, который помог мне узнать то, чему научился сам, я быстро начал схватывать азы игры на гитаре. Гитара не заменила спорт, но учиться играть на ней мне понравилось.

Как оказалось, со слухом у меня было все в порядке, и я быстро научился играть на слух – без помощи табулатур – те песни, которые слышал по радио. Больше всего мне нравились те, что были ближе к року.

Слушать светскую музыку дома не разрешалось, но когда родителей не было, я всегда слушал подборки классического рока по радио Top-40. Как-то раз мне здорово влетело за футболку с изображением Ленни Кравица, в которую я переоделся, выйдя из дома. Перед тем, как вернуться, я, конечно, сменил одежду, но мама все равно узнала об этом и была очень недовольна.

– Как ты можешь носить такое? – хотела она знать.

Я начал играть песни известных музыкантов, которые слышал по радио, таких как Pearl Jam, Aerosmith и Creedence Clearwater Revival. Из христианской музыки, которую я слушал, когда родители были дома, я пытался играть Mylon LeFevre & Broken Heart, DeGarmo & Key и Resurrection Band.

Музыка всегда играла большую роль в жизни нашей семьи. Кроме того, что мы вместе молились и слушали дома диски с христианской музыкой, мы посещали крупные христианские музыкальные фестивали, такие как Ichthus в Кентукки и Cornerstone в Иллинойсе. Я помню, как стою во время фестиваля Cornerstone и думаю: *«Как было бы здорово однажды выйти на эту сцену»*. Естественно, я так же смотрел матчи студенческой или профессиональной лиги по телевизору и думал: *«Как было бы здорово однажды выйти на это поле»*.

Когда подбирать музыку мне стало легче, я начал замечать, как тексты некоторых песен рассказывают историю жизни самого музыканта. Музыка словно была выпускным клапаном для чувств и мыслей человека, и я сам стал замечать, как внутри меня оживают эмоции, когда я начинаю играть.

Как раз в этот период перетягивания каната между тем, чтобы, зная, что такое благо, все равно поступать плохо, я написал свою первую песню.

Она начиналась с того, что я смотрю в зеркало, вижу человека, чья жизнь изломана, и что он сам находится в полном отчаянии, и обращаюсь к Господу: *«Ты должен избавить меня от греха»*. Дальше шли строчки, из которых становилось понятно, где я был в тот момент жизни: *«Всякий раз, когда я приближаюсь к Тебе, я вновь возвращаюсь к греху»*. Я назвал эту песню «Освободи меня». Первыми моими слушателями стали родители, сразу после того, как я написал ее. Они выслушали ее, а после очень внимательно прочли текст.

До этого я скрывал от них, что выпиваю и хожу на вечеринки. Однажды, когда мы пили с другом, он выпил больше и не мог на обратном пути вести машину. Поэтому, даже учитывая, что я сам был не трезв и слишком молод, мне пришлось сесть за руль и ехать минут 10–15 до дома. Войдя, мы сразу сказали: «Мы очень устали. Мы наверх и сразу спать».

К решению сесть за руль в ту ночь я возвращался снова и снова. Мне стоило просто позвонить родителям и попросить забрать нас, и последствия были бы куда безобиднее, чем если бы меня поймали за рулем пьяным и без прав. Впоследствии родители говорили мне, что подозревали меня тогда, но они понятия не имели, как далеко я заходил, потому что я тщательно следил за тем, чтобы они не узнали об этом.

Я никогда не бунтовал против них – я просто шел своей дорогой. Если бы я бунтовал, то конечно, мне захотелось бы, чтобы они узнали о чем-то, но я не хотел причинить им боль. Я меньше всего собирался разочаровать родителей или подвести их.

Когда отец с мамой прочли текст «Освободи меня», лица у них стали очень серьезными.

– Все слишком жестко, – сказал отец. – Ты в порядке?

«Попался!» – подумал я и решил замести следы.

– Когда я писал это, я думал об Эйприл, – ответил я.

Тогда моя сестра тоже была предоставлена самой себе. Более того, она заходила еще дальше, чем я, и даже пробовала наркотики. К тому же родители больше знали о том, что делает она, чем о том, что делаю я.

– Ок, – сказали они, и я скрыл вздох облегчения, на этот раз избежав подозрений.

Но я не мог скрыть послания в своей первой песне.

Нажимая кнопку перезагрузки

Летом, после окончания второго курса средней школы Маккатчена в Лафайетте, я на неделю отправился в летний лагерь в Калифорнии.

Отец открыл часовню движения Жатвы в Лафайетте, когда мне было четырнадцать. Жатва входит в течение Часовни на Голгофе и является частью объединения неденоминированных церквей, которое началось в 1965 году с основания Чаком Смитом Часовни на Голгофе в Коста-Меса, Калифорния. Из-за того, что церковь была новой и пока небольшой, молодежной группы у нее еще не было, поэтому я посещал молодежную группу Часовни на Голгофе, в которую мы ходили в Кроуфордсвилле, в пятидесяти километрах от Лафайетта. У ассоциации Часовни на Голгофе был летний молодежный лагерь в Калифорнии, привлекавший подростков со всей страны, и моя группа тоже отправилась в этот лагерь. Для поездки нашлось несколько спонсоров, и кто-то из них помог мне набрать недостающую сумму.

Учитывая, что тогда происходило у меня в жизни, мое возбуждение, касавшееся предстоящей поездки в Калифорнию, было более, скажем так, социальным, чем духовным.

«Калифорния? – думал я. – Там можно отлично потусить. Я еду!»

Общительный, как и отец, я всегда легко заводил друзей. Я встречал там людей из разных штатов, включая тех, кто проехал полстраны, например, из Пенсильвании в Калифорнию.

Впрочем, духовные цели быстро обошли социальные.

На первой ночной службе в лагере, оглянувшись вокруг, я увидел других людей, поднимающих руки в молитве. Среди них были и взрослые, включая моих родителей, но было и несколько подростков моего возраста. Меня задело, что я оказался среди подростков, которые действительно любили Иисуса и имели сильную связь с Ним. Я вынужден был признать, что у меня не было того, что имели они.

«Что же я делал? – спросил я себя. – Что же я упустил?»

Чувство стыда захлестнуло меня. Я подумал обо всем дурном, что делал – понимая при этом, что поступаю плохо, но все равно продолжая так поступать. Это был самый сильный рывок на сторону Бога, который я почувствовал в этом перетягивании каната своей жизни. Я хотел ощутить то, что, очевидно, чувствовали все окружающие.

Джон Курсон, пастор Applegate Christian Fellowship в Орегоне и известный библейский комментатор, был специально приглашенным спикером. В эту первую ночь он сказал, что собирается учить нас Откровением. Перспектива услышать проповедь с цитатами из Откровения немного напугала аудиторию. Но Курсон говорил о том, чтобы «посвятить все наше существо Господу» и делал это так, что мы ощущали не страх, но милосердие и любовь Бога. Его послание вошло в меня не критическим «ты плохой человек». Скорее это было вдохновляющее «Бог может еще столь многое дать тебе».

Слушая, я представлял себя словно достигшим края обрыва. У меня было два варианта: я мог продолжать бунтовать и сорваться вниз или благодарно принять ту истину, что Господь любит меня и что у Него есть на меня особый план, и посвятить Ему свое сердце.

Я чувствовал, что Бог вложил эти слова в мое сердце: «Я хочу, чтобы ты оказался полезным Мне, но ты балансируешь на грани. Тебе нужно бежать – бежать прочь от соблазнов мира и вернуться ко Мне. Я всегда рядом и жду тебя».

Той ночью я вернул свою жизнь в руки Господа. Каждой частицей себя я хотел следовать за Ним, а не гнаться за пустой популярностью и мирскими радостями, которые и вполнину не оказались так приятны, как я ожидал.

После службы я позвонил родителям и рассказал им о своем решении.

– Мои глаза открыты, – сказал я, – и я желаю служить Ему.

Я был так возбужден, что всю ночь не мог заснуть. Я лежал в своей койке в общей спальне и вспоминал свою жизнь. До той ночи я и не представлял, какую тяжесть несущ на плечах. Но внезапно этого груза не стало. Это как если после долгого застоя пуститься бежать, освежаясь и повышая уровень энергии, хотя физически ты сильно истощен. Перетягивание каната, судя по всему, подошло к концу. Я твердо, обеими ногами, стоял на стороне истины, больше не пытаюсь протестовать против того, что, как я знал, было правдой.

Я чувствовал себя свободным, узы греха с меня спали. Под властью греха мы ошибочно выдаем возможность грешить за свободу, потому что можем делать что захотим. Но мы ошибаемся. И неважно, что какое-то время наша жизнь выглядит благополучной, это не свобода. Мы связаны – связаны грехом.

Нам нетрудно узнать людей, у которых есть проблемы с алкоголем и наркотиками, потому что это отражается на их телах и лицах. Они не выглядят умиротворенными. Грех накладывает на нас тяжелое бремя, и той ночью я понял, какую ношу таскал на себе все это время. Но сейчас я наконец «выздоровел».

Во время молитвы следующей ночью я поднимал руки вместе со всеми. Я испытывал то, чем обладали они, и понял, что упустил в свое время этот опыт, достойный погони за ним всем сердцем.

Оставшиеся занятия по изучению Библии и службы словно заиграли для меня новыми красками. Курсон продолжать читать Откровение, подчеркивая, как церковь может отдалиться от воли Божьей и то, как важно христианину блюсти чистоту в словах, поступках и побуждениях. Раз за разом слушая его, я думал: *«О, это я. Ты ведь говоришь напрямую со мной?»*

Одно из мест, которые мы разбирали, касалось Лаодикийской церкви. Из всех семи церквей, к которым Господь обращается в Откровении, она осталась в нерешительности, «теплой», как Он назвал ее. Лаодикийская церковь прошла через собственное перетягивание каната между следованием воле Божьей и погоней за земными благами. В результате она зависла между ними, и это сделало церковь настолько непривлекательной в глазах Господа, что он произнес знаменитые слова в Откровении 3:16: *«Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».*

Конечно, это не самый приятный момент из Писания, но недостаточно горячая и недостаточно холодная церковь стала настолько неэффективной, что оказалась бесполезной для Царства Божия. Мысль о том, что Господь изгоняет нерешительных лаодикийцев, зацепила мое внимание, потому что я сам был тепл по отношению к Нему последние несколько лет. Я был бесполезен для Его Царства.

Этот стих прозвучал для меня как предупреждение, хотя это было предостережение, продиктованное любовью. Да, я заблудился. Я знал это. Знал даже тогда, когда поступал неправильно. Но тон, с каким было доставлено это послание, заставил меня понять, как сильно Бог любит меня. Он предупреждал меня, потому что бесконечно любил меня и хотел для меня только лучшего. Он всегда хотел для меня только самого лучшего.

Внезапно все мои прежние стремления рассыпались в прах. Словно кто-то нажал большую кнопку перезагрузки, и я начал жить абсолютно по-новому.

Мои разговоры с остальными за оставшееся время касались больше не штатов, откуда мы прибыли, а тех духовных состояний, в которых мы находились. Я вспоминаю один разговор с другом из молодежной группы, когда мы говорили о возвращении домой и о том, чтобы стать примерами для других.

– Давай же сделаем это, – сказали мы друг другу – давай же будем служить Господу.

Глава 4

Зов

Из лагеря я вернулся совершенно другим человеком. Я признался родителям в том, что пил и ходил на вечеринки. Перед тем, как мы уехали из лагеря, отец моего друга нашел алкоголь в его пикапе. Когда мои родители узнали об этом, они гадали, пил ли я тоже, потому что в лагере они не могли прямо подойти ко мне и спросить.

– Мы подозревали, что ты мог делать что-то подобное, – сказали они, когда я вернулся домой, – но мы так рады, что Господь не оставил тебя.

Теперь мое сердце и правда билось в такт с волей Бога. Но все равно осталось центром битвы.

Я углубился в изучение Библии, и теперь Слово Божье стало обретать для меня смысл, о котором я раньше и не подозревал. Изучая Писание с новообретенным чувством свободы, которым я наслаждался, я понял, что раньше читал Библию словно с завязанными глазами. Но когда эта пелена спала, слова прыгали со страницы прямо в мое сердце.

Но несмотря на произошедшие перемены, я знал, что какое-то время мне тяжело будет отходить от старых привычек.

Лето подходило к концу, и я все больше волновался о возвращении в школу, где был популярным и активным участником вечеринок. Мои старые друзья будут там, а вместе с ними искушение вернуться к прежнему образу жизни. Я чувствовал, как Господь говорит мне: «Ты еще не готов». Тогда я не был тем, кем являюсь сейчас, смело и прямо готовым делиться любовью и знанием о том, что Иисус Христос мой Господь и Спаситель. Со всеми окружающими подростка опасностями и соблазнами мною было легко управлять. У церкви в Кроуфордсвилле, чью молодежную группу я посещал, была очень маленькая школа, Христианская Школа Маранафа, и я решил, что она может стать для меня убежищем, в котором я нуждался в этот момент на пути к Христу. Разумеется, посещение частной школы стоило кучу денег, и хотя наше финансовое положение немного улучшилось, родители сказали мне, что не могут позволить себе отправить меня туда, хотя они сделают для этого все возможное.

Позвонив в школу, я спросил, не получится ли мне работать у них в обмен на обучение.

– Я могу быть дворником или кем захотите, – предложил я. Администрация школы ответила, что согласна на это.

Следующим препятствием стало то, как я буду ездить в Кроуфордсвилль, поскольку лишней машины у нас не было. Но у пастора, который много времени проводил на Украине, была машина, которой он пользовался только тогда, когда приезжал летом домой, и он предложил мне брать ее в его отсутствие.

Мои родители – к этому моменту больше даже отец – не были уверены, что мне так уж нужно посещать другую школу.

– Поверьте мне, я не могу вернуться в этом году в старую школу, – сказал я им.

Отец волновался о предстоящем футбольном сезоне, потому что я готовился стать полузащитником McCutcheon Mavericks и ожидалось, что команда будет очень сильной. Он продолжал убеждать меня, что если я останусь в команде, это станет для меня отличной платформой, с которой я смогу начать рассказывать другим игрокам о своем становлении христианином.

– Но я же не лидер, – говорил я отцу – я знаю, что я не лидер.

Но несмотря на мои просьбы, меня снова отправили в Маккатчен.

В первый день я изо всех сил не хотел идти. Даже просто одеться стало для меня тяжелым испытанием. Я боялся, что если снова войду в эти двери, то путь к Господу для меня закроется навсегда.

Мы с матерью сидели вместе в гостиной, и я неохотно ждал автобуса. Отец, который принимал душ, вошел в комнату.

– Джереми, – сказал он, – Господь только что говорил со мной в душе. Он сказал мне, что если ты говоришь, что не можешь сделать этого, и что Он сказал тебе отправиться в христианскую школу, тогда мне нужно позволить тебе это сделать.

Мать была поражена, потому что, как она говорила, учеба в христианской школе была тем, о чем она давно думала. Родители зачислили меня туда в тот же день.

Трудно объяснить почему, но я знал, что должен был отправиться в ту школу, что это было частью плана, который Господь имел на меня. Он дал мне возможность учиться там – не говоря уже о возможности ездить туда на машине, которую мне одолжили, – поэтому быть принятым в школу означало для меня то же, о чем Иеремия писал в 29:11: «Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду».

Я оставался на час после школы каждый день, чистил туалеты и пылесосил полы. Думаю, что я был очень хорошим уборщиком, особенно для подростка! Я гордился своей работой и действительно хотел держать в чистоте и полы и туалеты.

Эта работа научила меня тому, что, если Бог призывает тебя, ты сделаешь все, что сможешь, чтобы ответить на этот зов. В моем случае я сделал бы все, что мог, чтобы посещать эту школу.

Когда меня спросили, не против ли я мыть туалеты, я ответил:

– Без проблем!

В моем ответе отразился пример веры и обязательности, который показал мне отец. Церковь, которую он основал, сначала была маленькой и не могла платить ему полноценную ставку. Но он все равно продолжал работать там целыми днями. Таким был мой отец, с четырьмя детьми, которых нужно было кормить, руководивший такой же юной церковью, которую Господь поручил его заботе, и который, чтобы сводить концы с концами, подрабатывал в пиццерии на изготовлении и развозе пиццы. Я знал, что для него это очень скромная роль, но такая работа никогда не была для него унижительной.

Мой ежедневный час уборки прекрасно учил смирению, и я никогда не считал эту работу недостойной, никогда не чувствовал смущения или унижения, как было в случае с машиной. Разница была в том, что сейчас я служил Господу, и в результате все мое восприятие изменилось. Когда я был младше, то боролся с ненадежностью, стараясь обрести спокойствие и безопасность в вещах. Но когда я начал всем сердцем служить Богу, я обрел в Нем свою опору.

Я тогда думал так: *«Иисус ведь любит меня. Я собираюсь полностью служить Ему. Поэтому сделаю все, что потребуется. Да, я буду драить туалеты. Мне все равно».*

Тогда, с жесткой щеткой в руках, толкая перед собой пылесос, я чувствовал умиротворение.

Попрощайся с футболом

Сменив школу, я ушел от вечеринок, с которыми не хотел иметь ничего общего. Но я отдалился и от футбола, и это было более болезненно.

У меня была вполне реалистичная цель продолжать заниматься футболом и после окончания школы. Ребенком я играл в бейсбол, футбол и баскетбол. В бейсболе, в который я начал играть еще в пять лет, я был особенно хорош. Но к сожалению, на первом курсе я подхватил ангину. Когда я вернулся к команде, тренер сказал мне:

– Ты много пропустил, поэтому восполнишь недостающие дни пробежками.

Понимая, что ангина вернется, если я снова буду сильно истощен, я сказал, что после этого, скорее всего, опять заболею.

– Извини, – ответил тренер, – но это несправедливо по отношению к тем, кто тренируется и бежит здесь каждый день.

Так мне пришлось бросить бейсбол. Я сделал хороший рывок до начала бейсбольного сезона на втором курсе, и тренер хотел, чтобы я снова присоединился к команде. Это было в тот период, когда я был очень крут, и я сказал тренеру, что мне неинтересно играть в его команде. Как будто мое нежелание играть в бейсбол могло преподать ему какой-то урок.

Вдобавок я тогда хорошо продвинулся в футболе, и он начал лидировать среди моих спортивных увлечений. Я начал играть в футбол в шестом классе, и через год учебы мои навыки усовершенствовались. Я был в полузащите и хафбэке; быстрый и сильный, я знал, как нужно обращаться с мячом. Во время того сезона я начал думать, что футбол станет моей дорогой в колледж.

Когда в восьмом классе я решил не возвращаться в школу, я рассказал об этом тренеру.

– Я не могу этого сделать, – сказал я ему. – Я не могу вернуться в эту школу.

На его лице появилось выражение шока.

– Но почему нет? – удивился он. – Ты же член команды.

– Бог изменил мое сердце, – ответил я, – и мне нужно уйти от этого.

Не похоже было, что он понял меня, но я настоял, что мое решение окончательное.

– Ок, – сказал он.

Я говорил, что христианская школа была маленькой. Не совсем так – она была очень, очень маленькой. В старших классах нас было всего шесть человек. Не стоит говорить, что о футбольной команде здесь даже речи не шло.

Хотя среднюю школу я покинул с удовольствием, по футболу я все равно очень скучал.

Мы с отцом будем периодически ездить в университет Пёрдью в Западном Лафайетте и играть там христианские песни на небольшой площади в кампусе.

Студенты будут останавливаться и прислушиваться, а иногда наша музыка будет давать возможность поделиться с кем-нибудь из них нашей верой.

Как-то пятничным вечером мы ехали в Пёрдью и проезжали мимо моей старой школы. Огни футбольного стадиона ярко горели, и я хорошо видел зрителей на трибунах и игроков на поле.

И тут я расплакался, прямо здесь, на пассажирском сиденье в машине моего отца.

Отец знал, как сильно мне не хватает футбола, и увидев слезы у меня на лице, он наклонился ко мне и положил руку мне на плечо.

– Джереми, – сказал он, – ты делаешь то, к чему Господь призвал тебя. И я горжусь тобой.

Даже сегодня, вспоминая, как мы ехали тогда мимо стадиона и те слова моего отца, у меня подступают слезы. Момент был очень волнующим.

То, что я в тот год отошел от футбола, стало поворотным моментом в моей жизни. После того, как я несколько лет делал то, что хотел, я был вынужден отказаться от своих желаний

и фантазий, чтобы делать то, что Господь повелел мне. Это было нелегко. Даже сейчас мне, взрослому, это не всегда легко. Но чтобы действительно служить Господу, мы должны находить в себе силы отказаться от того, что любим, если это не совпадает с тем, как Бог видит наше предназначение. В моем случае в футболе не было ничего плохого. Но сейчас, спустя пару десятков лет, я понимаю, что у Него в запасе было кое-что получше.

Так как в новой школе играть в футбол я не мог, я начал все больше заниматься музыкой. Мы с друзьями собрали даже свою группу. Мы играли каверы, хотя не думаю, что группы, чьи песни мы перепевали, особенно бы гордились этим, если бы услышали, как мы играли. Я не помню, как называлась наша группа, но помню, что когда дела пошли не очень, мы решили переименоваться в Temple Rising. Кроме названия, мы больше ничего не меняли, и лучше играть мы от этого не стали.

Мои музыкальные интересы простирались от христианских артистов, таких как Стивен Кертис Чепмен, до самых разных рок-групп. Периодически мои музыкальные вкусы демонстрировали, что хоть я и прошел долгий путь с того времени, когда еще ходил на вечеринки, у меня сохранялись пристрастия, которые теперь не были в моих интересах. Я не собираюсь заходить так далеко и утверждать, что вся нехристианская музыка плоха. Не в этом дело. Проблема была в отношении, стоящим за моим музыкальным выбором. Я еще не полностью избавился от бунтарской части своей натуры. У меня бывали моменты, когда я хотел доказать, что могу идти своим путем и делать то, что хочу.

В этот период моих музыкальных исследований я начал лучше разбираться в музыке и пробовал другие жанры типа фанка или регги. Не считая текстов, я, благодаря самообразованию и умению играть на слух, подхватывал разные музыкальные влияния.

Но хотя слушал я разную музыку, для нашей группы я начал писать музыку и тексты, сосредоточенные на одном – моей расцветающей вере в Иисуса. Наша музыка стала способом выразить то, что происходило у меня в сердце, и постепенно мое сердце приближалось к музыке все больше и больше.

Увидев свет

К концу моего третьего курса в христианской школе я почувствовал сильное желание вернуться в Маккатчен, чтобы закончить среднюю школу. Я хотел играть в футбол, а также использовать свой накопленный духовный опыт.

Я знал, что возвращение в среднюю школу станет для меня испытанием, но я даже хотел этого, чтобы проверить свою веру на прочность. Я чувствовал, что духовно был готов к этому, но пока не избавился от тех страхов, которые вынудили меня перевестись в христианскую школу.

Я отчаянно хотел играть в футбол, но в то же время не хотел проводить в Маккатчен весь учебный год. И я решился на загруженное расписание, которое позволит мне выпуститься уже в рождественские каникулы.

Однако футбольный сезон прошел не так, как рассчитывал.

Прежде всего, хотя я все еще любил футбол, у меня не получилось заниматься им так плотно, как я хотел. До лагеря в Калифорнии футбол был моей жизнью. Теперь же моей жизнью было служить Господу. Кроме того, пропущенный год сделал достижение моей цели играть в футбол и в колледже гораздо труднее. Поскольку я не играл среди юниоров, то выпал из самого важного года, когда игроков замечают вербовщики абитуриентов.

Я полноценно играл в обороне, но для полузащиты, которая нравилась мне больше, времени оставалось мало. Да и в тот сезон команда играла хуже, чем ожидалось. Поэтому тренеры решили отдать мяч полузащитнику со второго курса, чтобы он получил нужный опыт для следующей пары сезонов, когда команда, как ожидалось, сыграет получше. Тренеры сказали, что так как я не играл в предыдущем сезоне, мне нужно показать себя. Но находясь в положении, где возможность нести мяч распределялась только между полузащитниками, я не мог как следует проявить себя перед тренером. Мои друзья тоже хотели, чтобы я играл в полузащите – тогда они будут сидеть на трибунах во время домашних матчей и кричать: «Дайте Кэмпу мяч! Дайте Кэмпу мяч!» Отца это тоже в конце концов настолько вывело из себя, что после одной игры он вежливо обратился к тренеру.

– Джереми ведь быстрее остальных полузащитников? – спросил он.

– Да, – ответил тренер.

– И сильнее?

– Да.

– И он вообще один из лучших игроков?

– Несомненно.

– Так почему же вы не даете ему играть? – спросил в итоге отец. – Дело в политике?

– Конечно нет, – ответил тренер.

Подойти к моему тренеру вот так было нетипично для моего отца, но для нас это было сложное время, потому что я собирался поступить в Пёрдью и учиться сначала без стипендии. Но я надеялся получить ее в будущих сезонах и хотел хорошо сыграть в полузащите в одной из местных школ, что увеличит мои шансы на стипендию. Но я мог оглянуться назад и увидеть, что Господь говорит мне: «Это не то, что Я приготовил для тебя». У Бога были на меня другие планы, нежели те, что я задумал для себя сам.

Те полгода в Маккатчен действительно стали для меня испытанием. Я еще не до конца избавился от старых привычек, вновь посвятив свою жизнь Христу. Я не посещал вечеринки и не пил, как раньше, но я боролся с этими желаниями. Мои друзья все еще ходили туда, но я решил не присоединяться к ним. Хотя мы встречались в тех же классах и коридорах, жили мы словно в разных Вселенных.

Я не знал, были ли в школе настоящие христиане, кроме меня, отчасти потому, что сам не осмеливался встать и заявить: «Отныне я христианин». Я по-прежнему пытался казаться крутым, и из-за желаний, которые я пока не преодолел, я ошибочно верил, что пока недостойн быть смелым для Христа.

После школы, когда я стану активнее в выражении моей веры и благодаря музыкальной карьере, я буду встречать бывших одноклассников, которые скажут мне: «Знаешь, а я ведь тоже тогда был христианином». Я буду оглядываться назад и спрашивать себя: «*Что же я делал?*» Я мог так влиять на остальных, вернувшись в школу на третьем курсе, и быть смелым ради своей веры. Напористость теперь руководит мной в разговорах с подростками, особенно когда они проходят через духовную трансформацию, и в них Господь действительно свершает свою работу. Я поощрял их идти в свои школы и изменить свое отношение.

В Евангелии от Матфея 5:14:16 сказано: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Я приводил подросткам такой пример: представьте, что вы стоите в большой темной комнате, где кто-то вдруг зажигает лампу. Другой видит этот свет и зажигает свою лампу. Все больше и больше людей в комнате зажигают лампы, пока свет не разгоняет тьму.

Но пока никто не зажжет лампу, комната остается во мраке, как случилось в моей школе. Я не встал и не зажег свою лампу так, чтобы ее видели все, и поэтому не узнал о ком-то, кто сделал бы это тоже. Свет всегда побеждает тьму, и иногда для этого нужен лишь один смелый человек, который изменит все вокруг.

Время рвать узы

Раньше закончив год, летом я работал на сборочной линии жалюзи компании Lafayette Venetian Blind и думал, что делать дальше: поступить в Пёрдью и учиться там бизнес-менеджменту и бухучету, пытаясь играть в футбол; или посещать Библейский Колледж Часовни на Голгофе в Калифорнии.

Я понял, что мне уготовано еще одно перетягивание каната между теми планами, которые имеет на меня Бог и своими личными желаниями, и что мне трудно решить, в какую сторону двигаться. Я продолжал колебаться.

Мои родители могли как подтолкнуть меня к Библейскому Колледжу, так и потянуть назад, чтобы я оставался поближе к дому в Пёрдью. Они не сделали ни того ни другого. Они не приставали ко мне с вопросом: «Что я собираюсь делать со своей жизнью в будущем?» Вместо этого они сосредоточились на том, что я делал в настоящем: помогал в их церкви, иногда вел службы и принимал участие в изучении Библии.

– Просто служи Господу, – скажут они. – У тебя есть работа, и ты служишь Ему.

Такова была мудрость моих родителей. Пока я пытался понять, чего хочет от меня Бог, они думали о том, что я делаю для Него в данный момент, зная, что я продолжаю служить Ему, и что в свое время Он посвятит меня в свои планы.

Как-то ночью мне приснился сон, где я вхожу в комнату в нашем доме и вижу мать разговаривающей по телефону. Она вешает трубку.

– Кто звонил? – спрашиваю я.

– Сатана, – отвечает она без тени тревоги, спокойным, деловым тоном. – У тебя есть его номер?

– Само собой, – говорю я.

Проснулся я в холодном поту. Я понятия не имел, что значит этот сон, но присутствие в нем Сатаны напугало меня. Сон не повторялся, но он две недели не выходил у меня из головы. Я знал, что он что-то означает, но не понимал, пока однажды Бог не раскрыл мне его смысл: я по-прежнему знал номер Сатаны, потому что пока не порвал последние связи с ним. Нужно было покончить с этим раз и навсегда и двигаться дальше. *У Меня есть замысел на тебя, я чувствовал, как говорит мне Бог, и Я хочу, чтобы ты глубже познал Слово Мое.*

Этого ответа я и ждал: Бог говорил мне идти в Библейский Колледж.

Глава 5

На запад

Прозвучит странно, но в Калифорнию мне помогла переехать обычная футболка. Когда мой отец стал христианином, Святой Дух изменил его полностью и радикально. После того, как он в ту ночь трезвым вышел из церкви Ассамблеи Бога, он навсегда завязал с алкоголем. Желание исчезло само собой.

Однако его общительная натура осталась прежней, просто благодаря произошедшим в нем переменам он начал вести людей в другую сторону. Мой отец любил Иисуса и пользовался любой возможностью рассказать о Нем людям.

Однажды он пришел в свой тренажерный зал в одной из футболок с надписью God's Gym, обыгрывающих логотип Gold's Gym³. Я помню, что некоторым футболки God's Gym казались чем-то из ряда вон выходящим, но отцу было все равно, что о его одежде думают окружающие.

И конечно, к нему в один из дней подошел мужчина и сказал: «Мне нравится твоя футболка».

Этот человек представился как Кит Марч, он был врачом, и он оценил смелость, с какой отец демонстрировал свою веру. Они быстро сдружились, и доктор Марч будет долгие годы помогать нашей семье и церкви.

Узнав, что у нас дома нет стереосистемы, он купил нам CD-проигрыватель. Он брал нашу семью вместе со своей на концерт Newsboys и платил за нас с отцом, когда с сыном ездил на мероприятие, которое проводили Promise Keepers в Колорадо. Он помогал и нашей церкви, которая тоже во многом нуждалась. Бескорыстная щедрость доктора Марча в тот период моей жизни оказала на меня огромное влияние.

Когда он услышал, что я собираюсь поступать в Библейский Колледж, он сказал, что оплатит первый семестр. Я был поражен. Библейский Колледж Часовни на Голгофе устроен не так, как обычные колледжи. Частные университеты, как правило, очень дорогие, но Библейский Колледж старался поддерживать по возможности максимально низкую плату за обучение.

Во-первых, там была всего двухлетняя программа получения степени (сейчас появилась и четырехлетняя). Во-вторых, он не был аккредитован, что позволяло школе нанимать пасторов, которые могли не иметь степеней, необходимых для преподавания в аккредитованном университете, но обладали всем нужным опытом и знаниями, чтобы готовить студентов к служению.

Но даже при том, что стоимость обучения в Библейском Колледже Часовни на Голгофе была ниже, чем в других библейских колледжах, я понимал, что без упорной работы и помощи Бога платить за обучение не смогу. Я скопил, что мог, работая сборщиком штор и на других подработках, но денег было немного. Я знал, что работать во время учебы все равно придется, но нисколько против этого не возражал.

То, что доктор Марч заплатил за мой первый семестр, избавило меня от финансового стресса и позволило начать откладывать деньги на следующие семестры, работая в Калифорнии то тут, то там. Доктор Марч стал еще одним благословением, посланным мне и моей семье.

В Библейский Колледж я поступил осенью 1996 года, и я очень рад был оказаться здесь. В тот момент мне было важно попасть в христианское окружение, поскольку я считал, что мне нужно отдалиться от земных радостей обычной средней школы.

³ Gold's Gym – международная сеть фитнес-центров, название которой переводится как «золотой тренажерный зал». Надпись на футболке – God's Gym – в переводе «божественный тренажерный зал» (прим. переводчика).

Псалом 24:4 описывает человека, стоящего в священном храме Господнем как «имеющего руки чистые и сердце чистое, что не вкладывает веру свою в кумира и не клянется богами ложными». Именно таким человеком я и хотел стать, настолько преданным делу Господа, что меня не сбивали бы с пути ни мои собственные желания, ни мирские удовольствия.

Я был уверен, что призван к служению, правда, пока не знал, к какому. Мне нравилось играть на гитаре и вести службы в церкви отца, а написание песен и тогда и сейчас было творческим способом выразить мои чувства и мою веру. Но о том, чтобы сделать музыку своим служением, я пока даже не задумывался.

Но я твердо знал, что хочу глубже понимать Слово Божье. Я не собирался просто читать Писание, восклицая: «Как же круто!» Я хотел понимать то, что читаю, взять одну главу, изучить ее, затем сказать: «Ок, кажется, я разобрался. Но посижу-ка я над ней еще немного и спрошу себя: „Как эти строки отзываются в моем сердце?“»

Подлинное переживание изменяющей всю вашу жизнь веры в Иисуса означает брать Его Слово со страниц Писания и позволить ему погрузиться в ваше сердце, направляя ваши мысли и поступки.

Читая, я буду спрашивать: «Что ты говоришь мне, Господи?» Иногда я буду молить Его: «Что же Ты хотел сказать этим?», а после размышлять над стихом. Я хотел воплотить в жизнь то место из Послания Филиппийцам 4:8, где сказано: «Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достойно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте».

Если какая-то мысль не совпадала с критериями апостола Павла, я не хотел, чтобы она занимала в моем разуме хоть какое-то место.

После этого я планировал сделать следующий шаг в проживании того, о чем говорит Писание. Слово Божье по-настоящему живое⁴. Когда мы действительно изучаем его и размышляем над ним, оно начинает действовать внутри нас. Мой план был простым: открыв Библию на Книге Бытия, пройти весь путь до Откровения. В Библейском Колледже Часовни на Голгофе делали серьезный упор на работу с Писанием. С самого начала моего первого семестра я нуждался в глубоком изучении на библейских занятиях того, чему хотел посвятить свое личное время. Я впитывал все как губка.

⁴ Послание к Евреям 4:12.

Углубляя изучение

Менее чем через месяц я пережил серьезное потрясение. Мы изучали Евангелие от Иоанна, и профессор, пастор Чак Вули, говорил об Иисусе и Его любви, о необходимости удалиться и очистить свое сердце.

Пастор Вули был потрясающим учителем, и чем больше он говорил о том, что нужно очистить свое сердце, тем сильнее во мне поднимались эмоции. Я испытывал огромный духовный голод и нуждался в том очищении, о котором он говорил.

Занятие было вечерним и последним в тот день. Сейчас кампус Библейского Колледжа Часовни на Голгофе находится в Мурриете, Калифорния, но во время моего первого семестра колледж был еще в Биг Бэар, прекрасном месте в горах к северо-востоку от Сан-Бернардино. В горах я мог глубоко дышать, наслаждаясь успокаивающим ароматом хвойных деревьев вокруг.

Кампус был маленьким – что-то около пятисот студентов, храм находился в местном доме престарелых, и в нем было очень комфортно. Я выбрал местечко позади, сел и начал рыдать. Я плакал почти два часа, зарывшись лицом в ладони.

Я должен был быть на виду. Я сидел не на стуле, а на его спинке, поставив ноги на подушку сиденья. Благодаря тренировкам я выглядел крепким, и учитывая, что студентов было мало, все уже знали, что я приехал в Калифорнию из Индианы. Тогда я носил длинные, собранные в хвост волосы с бритыми висками.

Не стоит говорить, что я привлекал к себе много внимания. Здоровый, общительный чувак со Среднего Запада со странной прической, который плачет не переставая.

В храме были и другие студенты, но мне было все равно. Когда кто-то спрашивал, все ли у меня в порядке, я поднимал глаза, говорил задыхаясь: «Господь разбирается со мной», – и продолжал реветь, уткнувшись лицом в ладони.

В своей книге пророк Иезекииль обсуждает момент, когда Господь дал народу Израиля новое сердце и новую душу⁵. Когда я перестал плакать и начал размышлять над тем, что только что случилось, я почувствовал именно это: Бог дал мне новую душу и новое сердце.

Это не значило, что мое прежнее сердце было безнадежно испорчено. Я был христианином, жил как подобает христианину и желал еще сильнее приблизиться к Богу. Но при этом у меня в сердце было и много лишнего.

Я бы сравнил произошедшее с уборкой в туалете. Вы оставляете то, что должно в нем находиться, выбрасываете лишнее или переставляете вещи. Можете пол, чтобы сюда снова можно было войти. Когда работа закончена, вы чувствуете усталость, потому что только что проделали капитальную уборку, но все это стоит того, когда вы стоите на пороге и любуетесь чистотой и порядком.

Я надеюсь, что Господь с таким же удовлетворением смотрел в мое сердце, когда я встал наконец с того стула. Что касается меня, я чувствовал себя превосходно. Во мне было так много мусора. Я сам не замечал, как сильно устал от того, что копилось во мне долгие годы. Я ненавидел все это. Мне нужно было побыть наедине с Богом, но моя неспособность избавиться от эгоистичных желаний стала для этого препятствием.

С этого момента я был предан Богу до конца.

Одной из первых перемен стало сострадание, которое я начал чувствовать к другим. Я всегда вел себя с другими людьми уважительно и вежливо, потому что меня так воспитали, но уважительность и вежливость не сравнятся с тем, что у тебя в буквальном смысле начинает болеть за других сердце. Происходит это именно из-за сострадания. Когда мы позволяем Христу в себе видеть других Его глазами, то замечаем множество моментов, когда окружаю-

⁵ Книга пророка Иезекииля 36:24–32.

щие нуждаются в Его надежде. Мы не просто чувствуем этих людей, мы ощущаем к ним Его сострадание.

Это не значило, что я нуждался в этих изменениях, чтобы понравиться людям или чтобы им нравилось мое общество. Это значило, что я нуждался в переменах, чтобы Иисус действовал через меня, как я и хотел – и как хотел Он. Я изменился не ради выгоды, которую мог из этого извлечь. Я изменился ради других – и ради прославления Бога.

Казалось, моя любовь к окружающим людям выросла экспоненциально.

Стоило мне увидеть кого-то в кампусе, сидящим на скамейке в депрессии или тревоге, как мое сердце начинало болеть за него. Я чувствовал настойчивое внутреннее желание подойти к этому человеку и сказать ему, что Иисус любит его, что в Нем есть надежда, что Богу есть что дать ему. Это стало своего рода моей личной миссией делиться с другими любовью и надеждой. И эта миссия выросла не из простого знания, которое я почерпнул на занятиях – я почувствовал Его внутри себя, когда сидел и плакал тогда в храме.

Когда я в следующий раз вернулся в Индиану, то попросил прощения у Джарета за то, что не был ему хорошим старшим братом. Он был на восемь лет младше меня, и эта разница в возрасте, видимо, мешала нам сблизиться так, как мы могли. К тому же мы были очень разными людьми. Он был более скрытный и сдержанный, весь в мать. Я же более готовым действовать немедленно, как мой отец.

Когда повысилась моя чувствительность, я понял, что никогда не был для Джарета образцовым старшим братом, каким мне следовало быть. Когда я попросил прощения, Джарет снисходительно ответил: «Да ладно, все в порядке» (эту черту он тоже унаследовал от матери). Но мне было виднее. Я знал, что упустил возможность стать ему близким, в чем он очень нуждался, и положительно повлиять на его жизнь.

В колледже я стал близок к Иисусу, как никогда прежде. Для меня не было ничего важнее часов молитвы и служения – в одиночку или вместе со всеми. Во время служб в часовне они напоминали мне о силе, что я почувствовал в первую ночь в летнем лагере. Но теперь я был их активным участником, а не просто свидетелем. В кампусе мы постоянно вели глубокие и интересные беседы. Мы делились друг с другом своими нуждами и вместе молились. Мы рассказывали друг другу обо всем, что Иисус сделал с нашей жизнью, потому что искренне интересовались друг другом. Мы узнали о воспитании друг друга и о духовном пути каждого из нас.

Подготовка у нас была очень разной – от новообращенных христиан, полных рвения и страсти, до более опытных, которые хорошо знали Писание. Благодаря разным жизненным путям, которые сошлись вместе, и разным перспективам, которые мы принесли с собой, мы подходили к Писанию с трудными вопросами, начиная более глубоко понимать его смысл. Узнав больше о своих друзьях-студентах, я чувствовал себя так, словно мог обрести вместе с ними всю полноту жизни.

Оставаясь один, я шел к горе, молился, распевал слова проповеди «Благодарю Тебя, Господи» или «Молю Тебя, Господи» и чувствовал себя так, словно провожу время в самой лучшей компании!

Учиться вести

Пользуясь притчей Иисуса о глупом и мудром строителе⁶, я описал бы основания своей веры, когда только поступая в Библейский Колледж, как возведенные частично на песке и частично на камне. Я понял, что этот нестабильный фундамент и был причиной того, почему я не считал, что готов вернуться в обычную школу после возрождения в летнем лагере.

Библейские занятия в колледже определенно укрепили мое основание. Мы прошли большинство книг Библии, в том числе глубоко изучив такие важные в теологии разделы, как Послание к Евреям, к Римлянам и Книгу пророка Исаи. Кроме этого, по настоянию профессора мы слушали то, что сами называли «записями Чака». Пастор Чак Смит, основатель движения Часовни на Голгофе, был феноменальным учителем и проповедником Слова Божьего, и мы слушали, как он разъясняет последовательно один стих за другим. Я делал подробные заметки о том, что узнавал из Писания на занятиях, а в свое личное время выделял тексты, подчеркивал ключевые слова и делал записи на полях. Глава за главой я обретал все более прочный и полный фундамент, на котором воздвиг всю свою будущую жизнь.

Что касается музыки, то я иногда пел и играл у себя в комнате или в небольшом кафе в кампусе, но как форму служения музыку я по-прежнему не рассматривал. Меня интересовало только изучение Слова Божьего. Как-то раз сидя в кафе, я наигрывал что-то на гитаре, когда меня спросили:

– Ты ведь умеешь играть?

– Да, – ответил я.

– Сыграй что-нибудь, – попросил этот человек.

Я сыграл и когда закончил, он сказал:

– О, это очень круто.

Другой человек подошел ко мне и сказал:

– Тебе стоит вести службы в часовне.

– Да, – ответил я. – Я бы хотел попробовать.

Первый раз выступая в часовне, я сильно волновался. Вести службу – это как наблюдать за игрой по телевизору: кажется, так легко, пока ты сам не попробуешь. Сейчас мне комфортно на сцене, но играя впервые перед собравшимися в часовне, я очень стеснялся. Я так старался не показаться высокомерным, что ушел в другую крайность и вел себя на службе как последний интроверт.

Но при этом я все равно думал: *«Вау, а мне это нравится!»*

Дома я вел службы в отцовской церкви и на библейских занятиях, но мое сердце с тех пор так изменилось, что я только сейчас впервые почувствовал, что служу Ему по-настоящему, что использую дар во славу Господа, а Он говорит через меня. Я весь словно пылал!

После того первого раза в часовне я начал вести службы дважды в неделю, после чего мне стали поступать приглашения провести службу или сыграть пару песен в одной из окрестных церквей. Каждый раз я очень волновался, боясь все испортить.

Честно говоря, хоть я и вел службы в Индиане, я не понимал, как по-настоящему это делать. Не помню, как долго длились эти сомнения, но в итоге я дошел до момента, где сказал сам себе: *«Просто делай то, что делаешь, когда ты вместе со всеми, но делай это так, как будто ты один»*.

Я понял важную вещь: когда ты ведешь службу, она постепенно сама начинает вести тебя, вовлекая в процесс. Если вас как проповедника будет прежде всего интересовать, как чувствует себя паства, то вы упустите всю глубину служения. Я решил, что служить буду только Иисусу.

⁶ Евангелие от Матфея 7:24–29.

И я делал это, а остальные присоединялись ко мне. Это был удивительный опыт служения в манере, привлекающей к нему других.

Своей гитары у меня не было, поэтому всегда, когда мне нужно было выступить в церкви, петь или просто поиграть в свободное время, я брал гитару у друга.

После того, как доктор Марч оплатил мой первый семестр, за второй я заплатил сам, продавая в Staples офисные принадлежности. Летом после второго семестра я работал на стройке, после чего заплатил и за третий. Все деньги я отдавал на учебу, поэтому о том, чтобы купить гитару, и речи не могло быть.

Я не был уверен, смогу ли окончить свои два года обучения, потому что для четвертого семестра денег мне не хватало. Но поскольку я работал каждый семестр, а также летом, школа позволила мне посещать занятия последнего семестра и получить степень, когда я полностью с ними расплачусь.

Между тем возможностей служить Богу через музыку становилось все больше. Студенты присылали мне приглашения спеть в их церковных молодежных группах или на основных службах. Вместе с несколькими друзьями мы собрали группу и время от времени вели службы или выступали с концертами в колледже. Это позволило нам выступать с песнями, которые писали мы сами.

До этого я никогда не думал о том, чтобы сесть и записать песню, но теперь стал делать это. Мои песни рождались из моей связи с Богом, из того, что Он сделал с моим сердцем или на основе того, что я прочел, и это заставило меня задуматься о путях Его. Классно было то, что я мог оглянуться на тексты, которые писал раньше и увидеть, как Бог говорил со мной. В одной песне, так и названной «Оглядываясь назад», хор поет:

Крест, на котором Ты висишь,
Недостойн царя.
О Господь мой, эти раны, Ты сделал все для
Ты сделал все это ради меня.

Этот текст появился в то время, когда я хотел избавиться от собственных эгоистичных желаний, не принимая как должное, что Он пожертвовал своей жизнью ради меня. Написание песен стало своего рода автономным процессом, когда я буду писать о том, над чем размышляю, а затем размышлять над тем, что я написал. Словно укрепление моей связи с Богом вело меня к еще более глубоким отношениям с Ним.

Глава 6

Дар

Окончив школу, я решил остаться в Калифорнии и продолжать работать упаковщиком в магазине Vons, чтобы оплачивать свой школьный долг. К концу лета мы решили распустить группу, поэтому я начал проводить больше времени, зависая с друзьями из служб Колледжа и Карьеры в отделении Часовни на Голгофе в Висте. Мы собирались вместе и репетировали, а еще я взялся помогать вести службу в отделении Колледжа и Карьеры.

Той осенью Жан-Люк Лажуа из The Kгу приехал сюда в поисках музыкантов, чтобы сформировать молодежную группу для Harvest Crusades. Кто-то рекомендовал Люку меня, поэтому как-то вечером он пришел нас послушать.

После этого Жан-Люк поговорил со мной несколько минут, сказал, что ему нравятся песни, которые я написал, высказал кое-какие наблюдения и сообщил о своих планах создать молодежную группу. Он сказал, что хочет узнать, интересно ли мне присоединиться к группе, и предложил нам обоим помолиться об этом и собраться позже, чтобы это обсудить.

Жан-Люк мне сразу понравился, и мы начали периодически встречаться. Он глубоко любил Иисуса и несмотря на то, насколько популярны были The Kгу – известны они были по всей стране, но прежде всего в то время были группой из Калифорнии, – он был очень простым парнем. Когда его планы собрать молодежную группу начали развиваться, он пригласил меня присоединиться. Я сказал Жан-Люку, что помолюсь об этом.

Эти первые дни сомнений после колледжа напоминали те, когда я не был уверен, поступать ли мне в Библейский Колледж или играть в футбол в Пёрдью. Но здесь была одна существенная разница. До этого я разрывался между исполнением воли Господа и своей. Теперь же все варианты были связаны со служением, и тут не было четкого конфликта между моей волей и Его.

К тому моменту церкви моего отца в Лафайетте исполнилось уже пять лет, и он говорил мне, как хотел бы, чтобы я вернулся домой и помогал ему вести службы. Но он также поощрял меня узнать о планах Господа на мою жизнь, и если Он хочет видеть меня где-то в другом месте, тогда и он сам хочет того же.

И я думал про себя, не упустил ли я чего-то. Как-то субботним вечером я смотрел игру по телевизору. Игрок, который, как ожидалось, будет моим полузащитником, если бы я остался в школе, удачно забросил мяч, пробежав больше девяноста метров. Он играл и забрасывал мячи, и все это показывали по центральным каналам, пока я работал в продуктовом магазине, и хотя у меня была пара вариантов, касающихся музыки, пока я их не осуществлял.

«Это могла быть моя игра», – думал я.

Но затем я вспомнил слова своего отца в ту пятничную ночь три года назад, когда мы ехали мимо моей бывшей школы и стадиона, на котором мог играть я: «Ты делаешь то, к чему Господь призвал тебя».

Вскоре после того, как я увидел по телевизору своего бывшего одноклассника, у меня появилась возможность спеть и сыграть в лагере. Чек, который дали мне после этого, намного превышал все те суммы, что я получал за свою музыку. Его даже хватило, чтобы оплатить мой долг перед колледжем. В декабре 1998 года, когда с долгом было покончено, я бросил работу в Vons, съехал из той квартиры, где жил вместе с другом, его бабкой и дедом в Оушнсайде, и уехал домой, не зная, стоило ли остаться дома или все же вернуться в Калифорнию.

Как всегда в важные моменты моей жизни я вел серьезные разговоры с родителями, касающиеся тех планов, которые Господь имеет на меня. Мать, как обычно, посоветовала мне обратиться за советом к Писанию. Отец понимал важность решения, перед которым я стоял, и он

предложил мне пожить вместе с ним в хижине его друга, где мы могли молиться и поститься вместе.

Это было особенное время. В хижине не было никакой связи с внешним миром, даже сотовых телефонов. Мы постились, молились, рыбачили и разговаривали. Место было удивительно успокаивающим. В своих молитвах я просил Господа избавить меня от очередного перетягивания каната. Я больше не хотел поступать по своей воле. Я сказал Ему, что сделаю все, что Он хочет, чтобы я сделал.

Пока мы жили в той хижине, я почувствовал, как Бог говорит мне, что желает, чтобы я вернулся на Западное Побережье.

«Уверен ли Ты? – просил я. – Я ушел оттуда. Я могу служить здесь, в Жатве. Ты действительно хочешь, чтобы безработный и бездомный парень вернулся в Калифорнию?»

В тишине я почувствовал, что Господь хочет, чтобы я вернулся в Калифорнию. Я верил, что у Него есть план и Он даст мне все, чтобы я следовал этому плану.

Сообщить об этом моему отцу было нелегко. Когда мы ехали домой, я рассказал ему все.

Я знал, что мой выбор будет для него большим ударом. Я мог представить себе, как волнуяще для отца, что сын помогает ему в служении, но этому не суждено было случиться. Я извинился перед ним, и он сказал, что понимает.

После того, как мы вернулись домой, случился еще один разговор с родителями. Они оба согласились, что я поступаю правильно.

Воспоминания о Рождестве

Я остался в Индиане на все Рождество. Праздничным утром наша семья собралась вместе, Эйприл была со своим мужем Трентом. Каждое рождественское утро родители выбирали кого-то из детей, чтобы он раздавал подарки, и сегодня была моя очередь.

Я вручил все подарки, кроме одного, самого большого, который стоял за елкой. На нем не было имени.

– Чей он? – спросил я.

– Он твой, – ответила мама.

Я понятия не имел, что это, но принялся разворачивать и заметил, что пока я это делал, все бросили свои занятия и повернулись ко мне.

Развернув бумагу, я увидел, что это была гитара. И не просто гитара, а фирменный Taylor, которая, как я хорошо знал, стоит не меньше 2000 долларов!

Я не мог сказать ни слова. Я не только никогда не просил такую, но знал, что и сам никогда не смогу позволить себе ее. Просить Taylor было как просить подарок в двадцать раз дороже, чем все, что я получал раньше. О таком я и мечтать не мог.

Мои глаза наполнились слезами, и остальные вокруг тоже начали плакать. Я оглядел свой подарок, все еще не веря, что он реален, и я до сих пор помню слова, прозвучавшие у меня в голове: *«Боже, я сделаю для Тебя все. Не моя воля, но Твоя да будет».*

В предвкушении я начал перебирать струны нового инструмента. Хотя до этого я никогда не думал, что смогу стать полноценным музыкантом, я начал понимать, что Господь и вправду даровал мне музыкальные способности. Подарок моих родителей был серьезным подтверждением того, что эти способности были даром, который нужно направить на служение Ему. И теперь мне не нужно было занимать гитару у друга, чтобы использовать этот дар!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.